

С М И Е Ш И А

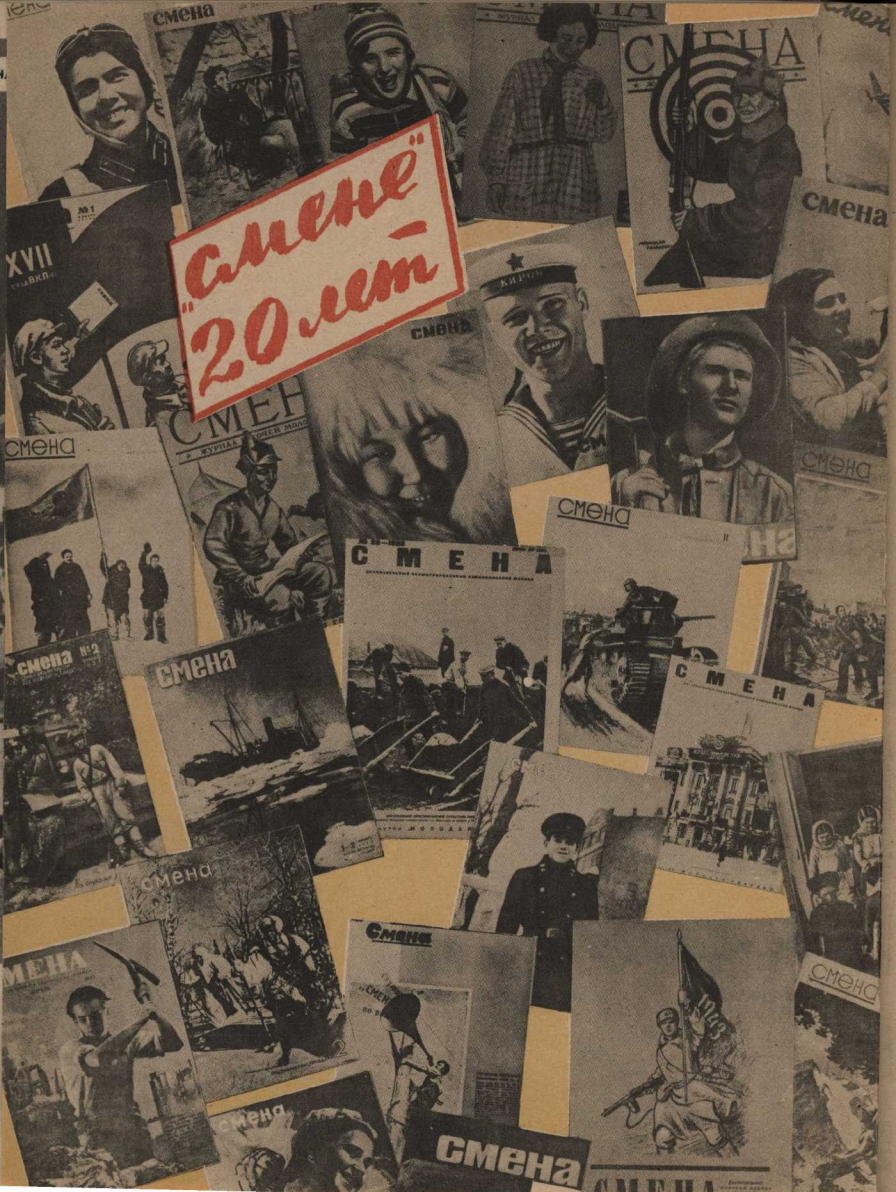

3

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СМЕНА
"СМЕНЕ"
20 лет

С М Е Ш А

№ 3

Февраль
1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Да здравствует
Советский народ,
народ-герой,
народ-воин!

(Из призывов ЦК ВКП(б)
к 26-й годовщине Красной Армии.)

А. Прокофьев

ШАГ ВПЕРЁД

Что такое шаг вперёд?
Это — гоним немцев вразней,
Это значит, друг мой, наша,
Наша, черт возьми, берёт!

Это — клин родной полоски,
Холм заречный, луговой,
С нашей русскою берёзкой,
С нашей вешнею травой!

Это — звон ручья под ивой,
За который всё отдашь,
Потому что он счастливый,
Потому что снова наш!

Что такое шаг вперёд!
Это — всплёт зари румяной,

Это — солнца над поляной,
С золотого скинут гнёт!

Это — свет, разящий беды,
Дни с могучим гулом шага,
Это — грозный шаг победы,
За которым — новый шаг!

Что такое шаг вперёд!
Это — новый шаг расплаты,
Песня мужеству солдата,
Это — поступь наших рот.

Это — шаг в свою долину,
В бурю яростных атак,
Это — шаг вперёд, к Берлину,
Это так,
и только так!

ЭТО НАШЕ!

Вот пословица, ребята:
— Всё, что взято нами, — свято.
Наша такая дорога,
Помогает бить врага.

Бей, боец, по росни русской,
Немца смертью изведи,
Как нам мил кусочек русской
Отваёванной земли!

Как нам дорог бугорок,
Светлая долинка,
Каждый холм и каждый лог,
Каждая былинка!

Кажется, что нету краше,
Лучше этих мест, друзей,
Это — наше, это — наше,
Нам без этого нельзя!

Кажется, что все невзгоды,
Всё при них смекнёшь рукой,
Всю Германию бы отдал
За ползну за рекой!

Где, куда ни бросишь взгляд,
Наши травы вольные,
Где берёзонки стоят
Наши белостолбые.

Это наше всё — отбей!
За него врага убей!

СТРАНИЦЫ И ГОДЫ

Я помню морозный январский день 1924 года. Шумит огромный, многоголовой ный вестибаль в университетском корпусе на Мухомов, и по коридорам разбегающиеся вверх маршом лестницами шагают только что вернувшиеся после зимних каникул вузовцы, рабфаковцы. На многих shines военного образца, с красными стрелочками шившиками времён гражданской войны, остроколючие красноватые плащи — будничные. Досудили в кожанках, потёртых напелеными ремнями. Соинде студенты с советскими айдями. Обнастие юноши в вмянивших, сине-голубых студенческих фуражках...

И вот в университетский вестибаль быстро входит худенький рабфаконец в зашпозной, многократно лаванной, просколочённой шинели. Юноша высвобождает красные руки, засунутые в рукава, и вынимает из кармана свежесжатуция типографская красная и чёрная журналы. Большие и красивые, бугорками на обложке, поверх самоботов, дирижабля, алых знамён и фантастических архитектурных конструкций, написанное: «Смена» № 1, январь 1924 года.

Журнал идёт по рукам, студенты-рабфаконцы листают страницы, читают воле стикхи и пописки под фотографиями. А потом мы спешим на улицу и в первом же ближайшем книжне вскалываем приобретаем ещё несколько номеров «Смены», чтобы без помех прочитать журнал у себя дома, в обиходной.

Двадцать лет прошло с того дня, тыщети страниц «Смены», журнала молодых ленинских-комсомольцев, вышла в свет. Я держу сегодня в руках самый первый номер «Смены», порелстиваю толстые комплекты журнала. 20 увесистых фолантов!.. И я вижу по журналу, как стражанный в этих страницах, вносил свои поправки, заставлял приравниваться к его записям, жила, рабфак, рос, учился в эти два десятилетия молодой человек советской эпохи.

Вот он, первый герой и читатель «Смены». Он ещё не сила военной гимнастерки. Он юный участник альных схваток с белоохранцами, он пришёл на рабфак после гражданской войны. Он молодой рабочий, ещё читающий по скалам, но уже требующий в заводской библиотеке брошюры Ленина. Он молодой крестьянин, ещё чужок, но уже при свете котилки пишущий в газету заметку, разоблачающую, а чужака и тех, кто вредит советской власти в деревне. Уже давно отстремили похлещные выстрелам гражданской войны, но ещё мёртв жестокая борьба за новые устои жизни, многогодуное утверждение их, и на страницах «Смены» вилку портрет Пезауши Каминского, комсомольца из села Горько-Панаво, убитого тёмными силами контрреволюции и кулачества.

Ещё полны страницы журнала воспоминаниями красных партизан и героев гражданской войны, а читатель «Смены» уже задумывается о будущем страны, готовясь защищать её с оружием в руках. В «Добрых» записывается молодой боец, на корабле уходит комсомолец. На страницах «Смены» появляются фотографии комсомольцев Костромь и Омска, уходящих на морь.

Громовый голос Маяковского звучит со страниц первых же номеров «Смены». Поэт требует, чтобы молодые рабочие, рабфаконцы брали на учёт «каждую мелочущу» быта, которая в дни янза может затнуть зыбкой тинью ослабевших, шадких до лёгкой, бездумной жизни.

И посмотрите, как вырос читатель за десять лет! В 1934 году «Смена» должна уже дать ему серьёзную статью о штурме атомного ядра. Подрываю читаю «Смена» статью о новейших открытиях в области физики, критические обзоры, рассказы об эскизиданиях Эпрона, высказывания поэтов и писателей о своей творчестве но кажется уже слишком серьёзными. В стране наступило время грандиозного культурного расцвета. Все учасы. Крылья советских самолетов несут славу нашей родины далеко за её пределы. Молодые сыны советского народа мечтают о подвигах, вдохновляемые примером челоюкнцев или героической стойкостью революционера Димитрова. Среди читателя «Смены» растут молодые артисты, учёные, писатели, лётчики, парашютисты, передовики социалистической промышленности.

Читатель «Смены» смеется за чистой родного языка, он уже, как это видно по статьям в журнале, знает изучать и иностранные языки. Он внимательно приглядывается к своему поведению, к быту. На страницах журнала рядом с проектами гигантских дворцов будущего помещена диаграмма, показывающая ежегодный рост благосостояния молодого рабочего. И читатель обдумывает на страницах «Смены» свой бюджет. Тут же рядом, через стрелочку, они знакомятся с картинками Сезанна, Матисса, Пикассо и Дега.

Но молодой читатель а герой «Смены» хорошо знает, что нельзя ни минуты успокоиваться на достигнутом, что жестокая, неутомимая борьба за будущее продолжается, что враждебные силы за копытся, чтобы обрушиться на нас. И чёрная, траурная обложка с портретом Кирова, старичное, полное скорби лицо Сталина у гроба слоденного убитого врагами вождя ленинградских большевиков сурово напоминают об этом...

..Новая я был на Первом украинском фронте. Мы останавливаемся на ночевку в тихом домике на полуразрушенном улице только что освобождённого украинского городка. В своём мешке мешке оказался номер «Смены», который и прихватил из Москвы.

Подошли поближе молодые наши командиры, остановившиеся вместе с нами здесь на ночевку. И мы читали вешу рассказы, статьи, стихи, начертательные в номере, — всё подлая.

Многого мы ниши там. Но среди нихна читаем «Смены», воспетившие Ленина и Сталина, молодые сыны героического народа, одетые или в походную форму или в рабочую спецовку, вместе со всей страной оными трудом и оружием прокладывающие путь к завершающим победям, — все они хотят, чтобы журнал их дла во много раз больше того, что он сейчас есть. За трудом, отстремленным, отчаянным войной молодой читатель возмужал, стал глубже понимать жизнь. Он надеется, что журнал, с которым двадцать лет росла советская молодёжь, и сегодня, в походах, в боях, в напряжённом, самоотверженном труде молодёжи, будет идти лота в ногу со своим справедливым, требовательным читателем — героем — как отмычливый и многозадающий друг.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Смотрю на этот журнал почительный, Слегка задумчив, чуть-чуть грустный. — Это уже не «Три мушкетера». А именно «Двадцать лет спустя».

Это вторая часть трилогии. Когда друзья черед много лет Встретятся на новой дороге и Повторят старинную дружбу обет...

Это фактов и мыслей сумма, Она в своём итоге верна; Это—то, о чём нельзя не подумать, Когда глядишь на старей журнал.

На журнал, в котором твои же строки Красовались в ряду печатных колоний... Квие с тех пор пролетели сроки? Сколько воды с тех пор утекло?

И кажется, будто от этой тетрадки, Вышедшей в двадцать четвёртом году, Подобным сплетенной зародке Мсты на сорок четвёртый ведут.

А юноша, тот что читал этот номер. Сегодня своих детей вырастил, — Победивших в боях за Клин и Житомир. Изучающ к разгорму вражеских сил.

Двадцать лет спустя на славу построил, Они ли не сумели своё отстоять? Новые песни про новых героев Задорно поют молодые уста!

И новая слава смотрит в лица нам О финских шарах до приключенных степей, И Сталин, громивший врагов под Царицыном, Под Сталинградом разбил их теперь.

И та же юность, бурно неистовая, Завтра, как потнута струга...

Вот о чём думаю, перелистывая Двадцать четвёртого года журнал...

И в эти дни Боевых наступлений Нисется туд, в боевую даль, Строка из Пушкина:

«Здравствуй, племя Младое!» Здравствуй и побеждай!

Во имя славы, во имя свободы, Во имя отцов названным гостям! Так было тогда, в молодые годы, Так и теперь, двадцать лет спустя.

Читатели

О ЖУРНАЛЕ

ПОКАЖИТЕ НАШИ БУДНИ

В дни боёв с заклятыми врагами родины каждый стремится сделать как можно больше для фронта. В начале войны я оставила школьную скамью и пошла работать на завод имени Сталина. Теперь я квалифицированный токарь, работаю на трёх станках, нередко даю по четыре нормы в день.

Истиненная работа не мешает мне читать книги и журналы, заниматься спортом, посещать театры и кино. Читая я и наш молодежский журнал «Смена».

Что хотел бы я видеть в журнале систематически? Прежде всего рассказы и очерки о подвигах советской молодежи на фронтах Отечественной войны. Хотелось бы прочитать также больше, интересную, захватывающую повесть о молодежи тогда.

АЛЕКСАНДР КОВОВ,
токарь-сталковец завода имени Сталина

МОИ ПОЖЕЛАНИЯ

С прошлого года в школах страны введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Журналу, на мой взгляд, следует отозваться на эту серьёзную реформу в обучении наших детей. «Смена» необходимо поднимать, освещать возможно больше различных актуальных жизненных проблем, интересующих сейчас юношей и девушек. Причём хорошо делать не только в порядке прямой постановки вопроса, но и в художественной форме — в рассказе, очерке, стихах. Иногда надо вовремя закончить рассказ — не договорить, поставить вопрос «А как у вас? А как вы думаете? А как бы вы поступили в данном случае?» Это тонкий читателя на размышления, критическую оценку своих поступков и поступков товарищей. А в спорax, как известно, рождается истина.

Особое место нужно было бы отвести для творческих работ самих читателей, для ответов на их вопросы, для освещения новых открытий и изобретений в области науки и техники.

Вот те пожелания, которые хотелось бы передать журналу «Смена» в дни его двадцатилетия.

И. НОВИКОВ,
заслуженный учитель РСФСР

ВИТРИНЫ «СМЕНЫ»

«Смена» — журнал, откуда на протяжении ряда лет я, комсомольский работник, систематически черпала литературно-художественный материал для бесед с молодежью нашего завода. Журнал печатал много рассказов, очерков, статей на волнующие юношей и девушек темы.

И сейчас молодежь завода с интересом встречает каждый новый номер «Смены». Так как тираж журнала ограничен, мы последнее время удерживали в витринах «Смены».

Наши комсомольцы любят в журнале фронтовые очерки и рассказы, а также рассказы и очерки, воспитывающие чувства национальной гордости, собственного достоинства, товарищества, ставящие вопросы комсомольской чести. Молодежь интересуется статьями, похваливающие ещё прекрасное, что создал и создаёт великий русский народ.

Когда просматриваешь первые номера «Смены», горд глазами возникает образ комсомольца того времени. Пусть и читаем будущего двадцатилетия, переосмыслив страницы журнала, смогут узнать нашу жизнь и наши дела.

АНДРЕЙ ПОСПЕЛОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ Н-ского завода

О ЖИЗНИ, УЧЕБЕ И БЫТЕ

Ещё задолго до поступления в институт я, школьницей, вместе с братом регулярно читала журнал «Смена». Мы обуждали печатавшиеся в нём рассказы и очерки, делились впечатлениями.

Журнал был интересным и расширял наш кругозор. Вступила на устроившихся в школе досылках, диспутax или литературных вечерах, а часто приводила яркие примеры из рассказов и очерков, прочитанных в «Смене». Помню, даже в классной работе «Моя страна» я использовала сведения, почерпнутые в журнале.

Теперь я особенно люблю «Смену» за фронтовые очерки, рассказы и стихи. Замечательная поэма П. Антокольского «Сын» так понравилась мне, что я выучила её наизусть. Мой брат на фронте. Однажды мне удалось послать ему два номера «Смены», и он вместе с товарищами-фронтовиками прислал в ответ благодарственное письмо за этот подарок.

Я студентка, и у меня возникает законный вопрос: почему молодежский журнал не показывает жизнь нашего студенчества, в среде которого сейчас немало участников Отечественной войны? О нашей жизни, учёбе и быте, мне кажется, можно рассказать много интересного и поучительного. Мне хочется, чтобы «Смена» показала в очерках и рассказах, как возвращаются и работают наши учебные заведения в разрушенных немцами городах: Сталинграде, Киеве, Харькове.

Среди моих подруг много девушек-стажненок. Они успевают отлично работать и отлично учиться: среди них есть действительно герои страны. Хорошо бы художественными средствами мы раскрыли их упорство, самоотверженность, неиссякаемую энергию молодости, идеалом направленной на служение родине.

ВАЛЕНТИНА ГАЛКИНА,
студентка Московского авиационного института имени Орджоникидзе

ОЧЕРКИ О ПРОФЕССИИ

«Смена» двадцать лет. Мне — всего шестидеять. Из них более трёх лет я регулярно читаю свой комсомольский журнал.

Первое знакомство с ним произошло в библиотеке. В журнале я нашла ответ на то, что меня тогда волновало, — ряд статей о выборе профессии. Больше всего меня заинтересовала специальность электромонтёра. Не задумываясь, я пошла в ремесленное училище энергетиков.

С началом войны журнал подождал мне, как часто векому, кто любит свою родину, в совершенстве овладеет военными специальностями. Теперь у меня их четыре. Я хорошо изучила приёмы рукопашного боя, стал снайпером, пулемётником, автоматчиком. Я овладела также алгеброй и кроме того, провёл курс в учебном центре Московского городского совета Осоавиахимки, получила звание младшего командира. У себя в ремесленном училище я помогаю теперь товарищам овладевать военным делом. За эту работу меня наградили знаком «Отличник государственных трудовых резервов».

Часто на комсомольских вечерах мы вслух читаем журнал «Смена». Иной раз завязывается горячий спор по поводу того или иного рассказа или очерка. Работа любит читать о жизни зарубежной молодежи, о героях прошлого, особенно радует, если входит какое-нибудь «очко в будущее» — прикладное или фантастическое повествование о грядущих делах. Жаль, что этому жанру уделяется мало места в журнале.

ВИКТОР НИКИТИН,
внучки ремесленного ордена Трудового красного знамени
учащица энергетиков № 28

НА ПРИВАЛЕ

Померк вечерний небосклон,
Ни туч, ни ветра,
И акскает батальон
Под шестст сосняка.

Крадётся волею тишина,
Вдали, на косогор,
Найт горбатыя дуна
В очередной дозор.

А по опушке ходят темя
За востовым бойком.
И небо в звёздах, как мяшица,
Пробитая свинцом.

Действующая армия.

★

С. Корочюин

ДУБ

Где ветер свистит над примятой травой,
Где поленды, как сумерки, мглысты,—
Стоит несгибаемый дуб вековой
На горной вершине скалистой.

И ствол его — словно санцом налитой,
И листья — как будто из жести,
Могучий, стоит на вершине крутой
И грозно взывает о мести.

Под ветками дуба, на мокрой траве,
Парнишка лежит снеглазый,
Он кровь свою пролил в родной стороне,
В предгорьях родного Кавказа.

Был жадным до жизни боец молодой
И смерти боялся на очню.
И в схватке смертельной с немецкой ордой
Держался три дня и три ночи.

Сквозь дым и мины рвались над горой,
И шальные пули свистели.
И, раненый, молча скончался герой
На каменной серой постели.

Об этом и песню хочу я спомнить,
Как в полдень, горячей и мглыстый,
Ослелся лишь дуб ажковой спорожить
Бойца на вершине скалистой.

И ствол его — словно олит из свинца,
И листья — как будто из жести;
Стоит он над трупом героя-бойца
И грозно взывает о мести.

Был он в городе на Волге — самый первый человек.
Кто слышал его искусство, потерял покой навек.
Перламутровые планки, канифасовый ремень,
Тронет клавиши — всё оставив, будешь слушать целый день.
Да и сам он, чернобровый, силлся дедушкам во сне:
Музыкантом с альм бантом и двухрядкой на ремне.
Без гармонии жизнь — могила, а с гармонью веселей.
И была одна девочка всех подруг ему милей.
Сколько песен ей придумал, сколько раз ей руку жал
Сколько раз её до дома, до порога провожал!

Нет в лесу такой берёзы, чтобы дождик не мочил,
В мире нет такой любви, чтоб никто не разлучил.
Почернели от пожаров заповедные края.
Что с тобой, земля родная, что с тобой, любовь моя?
Он прошался с ней на людях. Сердце ныло от тоски.
Далеко в степи мигали путевые огоньки.
Он стоял, склонившись чубом к помутневшему окну.
Едет поезд, скорый поезд, едет поезд на войну.
До свидания, берёзы, Деревянные дома,
Две дощечки через речку — милый город Кострома!.

Беспокойные ракеты озарили темноту.
Дело было зимней ночью. Шла бой за высоту.
На десятки вёрст в округе было видно, словно днём,
Наступающие роты залегали под огнём.
Позади леса да склоны, бой и слава переде.
И тогда подлая парень и прижал гармонь к груди.
Он не клавиши затронул — он сердца перебирал,
Он играл не на гармонии — на душе своей играл,
Он играл большой рукою, дважды раненой в бою,
Он играл перед друзьями песню лучшую свою.
Вспомнил он былую славу, негасимые огни,
«Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни».
И, услышав тихий голос, люди поднимались стеной,
Люди шли за русской песней, за гармоникой родной,
Отбивая в поле чистом каждый куст, за палью палы.
Шли бойцы за гармонистом, чтоб от песни не отстать.
По оврагам, и сугробам, и по снежной целине
Впереди весёлый парень шёл с двухрядкой на ремне.

Действующая армия.

«Сталинград».

Евг. Захарович

ПОЕДИНОК

Рис. Г. Валька

1
Лето. Над глубоким оврагом стоит высокой дуб. Берушка его расщеплена снарядами, ветви срезаны осколками и пулями Толстого, морщинистая кора висит лохмотьями — тоже следы осколков и пуль.

Овраг — рубеж. Там, на той стороне оврага, на дне которого журчит небольшая извивающаяся речушка, — окопы и доты немцев. Здесь же, возле дуба, прорита траншея к нашему переднему краю. Если идти этим ходом сообщения, сделанным в человеческий рост, с деревянными рашпелчатыми мостками над скоплениями воды, то придешь к переднему окопу с его стеллажными и пулеметными ячейками, с мешками для боеприпасов, с побуртевшими блиндажами, зачищающими от осколков. Иногда окоп упирается в дот и вновь как бы вытекает из него, чтобы упереться на некотором расстоянии в новый дот.

Дождь. Он льет с утра; сквозь его серую, однообразную пелену едва виден противоположный берег речушки. Вечерело. Ещё светло, но уже время от времени слышатся выстрелы, озвучивая сетку дождя белоглабыми, колеблющимися пятнами.

В полукилометре от переднего окопа, а блиндаже, собирается группа человек в пятнадцать, которая пойдет сегодня ночью в Босовую разведку, за язычками. Лейтенант Семён Яковлев, иногда двадцати двух лет, до войны студент Института истории и философии, готовившийся стать историком, повелёт группу — он уже год на войне и испытан в подобном роде делах.

Сейчас он сидит за столом и читает книгу, взятую у командира второй роты. Книга сильно потрепана, — видеть, немало похолодела она по ружью, немало километром проделана в шестидесятидневном походе.

Лейтенант читает увлеченно, ему хочется до двадцати двух часов-ночь брехать, назначенное для выхода в разведку) узнать, чем закончится хитроисплетённый сюжет. Время от времени открываются дверь, и блиндаж выходит бос в полном походном снаряжении и докладывает:

— Босн такой-то явился по вашему распоряжению.

Лейтенант кивает головой и опит, пхитя палец, угадывается в чтении. Непрохладный вечер. Бойцы осматривают свои пистолеты-пулемёты, пробуют действия затворов, переключателей, защёлки магазинов.

Двадцать два часа-ночь. Семён Яковлев заходит в окоп. Он остановился на самом интересном месте и заглядывает на последнюю странницу, но из неё зелья в точности узнать, чем завершится приключений героя. Лейтенант со вздохом выкладывает книгу в лавно оторвавшийся переплёт, прячет её под полушку и надевает шинель.

Всё готово. Бойцы под предводительством Яковлева выходят из блиндажа.

Сильный дождь. Тумко. Только ярдыда просветит туля да халонит ветру где-то совсем близко овиюнка мина. Войны идут по ходу сообщения к переднему краю. Несколько человек несут доски и маты. Из передового дота Яковлев докладывает по телефону командиру полка о готовности отряда и получает разрешение выступить.

Отряд собирается в окопе. Дождь льёт как из вебра, холодные струйки бегут по лицам, в воздухе пахнет сырими шинельными разведкам, тем более что местность хорошо известна каждому из бойцов.

Яковлев присаживается в окопе на корточки, закуривает папиросу и, пожмывая от сырости, затягивается. Потом, не докурив до половины, он тянет ширину и быстрым, сильным движением снимается на бруствер. Бойцы следуют за ним.

Прямой спуск по обрыву крут, но отряд идёт пологим, крутым путём, маскируясь кустами, в полурост. Все помехи подхватывает он к речонке и залегает на берегу, всматриваясь и выжида.

Короткая летняя ночь только начинается. Дождь как бы смыл краски заката, вокруг влажной мши, несено озаряемый вспышками ракет по всему переднему краю врага — здесь, близко, и там, далеко, за лесом. Яковлев подает условный знак рукой, трое бойцов — сапёры — начинают, переходят реку и сразу же растворяются в темноте: их задача — проверить, и, если докажет аскасть. Дождь барабанит по их шинелям. Лежит и Яковлев. Он лежит на животе, держа возле глаз бинокль. Дождь поемому просачивается сквозь его шинель, гимнастёрку, рубашку. Вот уже мокро между лопатками. Очень хочется закурить — кажется, что крохотный огонёк папиросы уймёт неприятное ощущение этого мокрого холода.

В окопах блиндаж показывается несная тень. Это сапёры: путь готов. Яковлев поднимается и, проскочив между кустами, сбросив, просачивает речушку. Бойцы следуют за ним. Едва последний переходит речку, как раздаётся дробь пулемёта. Отряд припадает к приростной тине. Пулемёт затихает, потом начинает бить снова.

— Пенхует! — говорит Яковлеву левацкий с ним рядом сержант Мельников.

Из обочи хорошо известна эта темнота вешних часовых. Сила в доте, немецкий часовой время от времени начинает бить из пулемёта — пусть, мол, противник, если он приблизился, думает, что его обнаружат. Непонятные разведчики, заслышав эту стрельбу, решают:

— До мина ещё далеко, а нас уже обнаружат. Взад!

А опинные вылезает и ждт. На дробь первого дота откатывается другой дот, потом третий. Начинает вдруг бить миномёт.

Семён Яковлев лежит в тине. Это уже двадцать седьмой его боявой разведка. Первое время он волновался, писал перед каждым походом в разведку письма родным и любимой, прощался с товарищами. Попривыкнув, — самая стойкая храбрость. Она обещана.

Лейтенант терпеливо выжидает конца этой никчёмной стрельбы, поворачивается с живота на бок и снова на живот. Вспоконт его одно-дотое затихает. Надо по-

дойти к немцам, покаж дождь совсем не перестает. А немцы, как нарочно, бьют и бьют из пулемётов. Яковлев сидит по-прежнему на доске да, дожидая кончины, это точно.

Всё же ложь ещё морозит, когда стрельба, наконец, прекращается. Но зипуа лейтенанта отряда прискакал к нему. Он идёт от ориентира к ориентиру, за сабром в один скак. При этом всё ступает одновременно. В темноте это часто вводит в заблуждение. Яковлев слышит, как ступают удачно, часовой подползает, что движется не отряд, а одиночный разведчик, и, возможно, не станет поднимать гарнизон.

Минуты понапрасну, начинаясь с огородами промачивая землю. Два мёрзлых усалях сверху встречают здесь отряд они уже перебросили через заграждения доски и моты, и бойцы быстро переходили на другой бережок. Ничего тут же полком начинает эскадрилья вверх. Однако, когда до вершины холма остаётся метров тридцать, дождь затихает окоченевшая поляна луга вырывается на холм, и вся местность становится видной, как на ладони.

Отряд засматывает в кустах наголо. Снова Яковлев слышит ступающие шаги. Он идёт по площадке из какал-нибул заблудшая тучка. Но тучки нет. Яковлев морщится, подобие устранивается в грязи и замывает.

Всё время — и совсем ещё непонятое, до войны, — когда Сеня не мог удержать спокойно на месте и десяти минут. Теперь он может лежать без движения часе, другой, третий... Да мало ли авторитетов был тогда, до войны. Сеня не мог заснуть без зашпоренных оком, малейший шум тревожил его во время занятий. Теперь он мог заснуть, хоть бы кто извлек из уха его шпатель, под неумолный грохот разрывов, лишь бы было где прикурить. И работать это тоже может при любом шуме. Дом с крышей, с дверями, с окнами, с кровлею, с наменемным столом, где аккуртар разложены карандаши и книги, кажется ему невероятно давным и туманным. Сеня отчетливо помнит прежде, когда была вхождением в театральную школу в Художественный театр на «Синюю плиту» и как плавала, свалившись однажды в кинув в велосипед. Теперь он знает, что такое счастье, несомненно, когда он, разведка, фронтовая дружка, фронтовые задушенные разговоры, ночел под дождём. Он был юношей, готовившимся к театру и к театру, трудящегося. Теперь он боен, славный зашпориный родины, знаменитый разведчик, участник многих боёв и самых дерзких набегов на врага, орденосином. Он получил читать письма на земле, разбрасывая в почтовых ящиках, видеть и слышать в природе скрытое и неясное, нападать на врага стремительно, неожиданно, быть яростно, бесочеловечно, в предельно короткое время, без мысли и чувствами, с её горячими юношескими спорами, прогулками по ночной Москве, с её радостями и мечтами, позаниматься близким друг на друга, как в этом смысле, уверенном в себе мужчине, одетом во френтовую лейтенантскую шинель, обутым в тяжёлые френтовые сапожки, порывающим выскочить из окопа. Сеня — с которым он вместе сидел на школьной скамье, вместе играл в футбол и вместе пел вечером на дачном балконе тизие и протяжные песни.

Теперь Сеня лежит и ждёт. Он знает: ночь коротка, перед рассветом, после дождя должен появиться сильный туман над рекой. Проходит час, второй, слышно, как переправляются и перебегают немецкие часовые. Снова и снова принимаются бить пулемёты и опять затихают. Яковлев поглядывает на звезды — дело идёт к утреннему рассвету, туман и слышно, как идёт, а всё же кружится вокруг — травники, ветки, цветы. Проходит ещё полчаса, туман заволакивает и небо, и аура, и земля. Поле, луга спешит. Лейтенант встает и идёт к парашюту, встает и идёт к парашюту. Объект вылазает отряда — одиноко стоящая на холме изба, превращенная нем-

цами в дзот. Туман всё гуще и гуще, уже не видно и в двух шагах. Яковлев терпит ориентировку, засматывает излучающую кри, вылазает поглядывая и слышит, как из-за потом поднимается и решительно устремляется вперед.

Вот и контуры избы. Часовой шагает у края, Яковлев вынимает пистолет, по-ползает к стене. Выгляд удобный момент, он делает точный бросок и ударает часового ножом в спину. Второго взмах ножа — удар срывает Мелькалова. Часовой мёртв.

Четверть дела сделано — гарнизон дзота в мышеловке. Одна часть отряда окружает дзот, другая, помнящие, подкрадывается к дверям избы.

Яковлев долго прислушивается возле дверей, прежде чем войти в сени. Нет, в сенях ни звука. Лейтенант аккуратно сбрасывает сабровый пиджак изом шпатель и входит в сени. Едва заметный глухой скрип, но он услышал, и кто-то отмыкает из дзота коротким окриком. — Видно, окриком часовой. Яковлев выхватывает то быстрое и ясно, нацупывает дверь в ауру, рынком распахивает её, и весь отряд с автоматами напереве входит в дзот. Рассветает тихо — время коротко, затихает на короткий срок перестрелка, когда так хорошо дремается в этой минутной, неверной френтовой тишине. Трое немцев спят на ярах. Один дремлет, сидя на полу. Пятый не дремлет — он тоже сидит у пулемёта и поднимает моляком пошдшу на сапог, который держит в руках.

Отряд, пятый, сразу вскакивает и хватается за автомат. Но автомат тут же вылетает у него из рук — вот немец уже на земле. Связки, рот его крепко стиснут трынкой. Остальные так же бесшумно вылетают на землю и связывают второго, дремлящего у пулемёта. Не проходит и трёх минут, как все пятеры с связанными руками, с цепями на губах вывозывают из дзота.

Бойцы, взымая на пачи пленных, начинают спускаться вниз. На подлорге к речке одному из них удаётся сорвать попутный камень на холме и он, сбиваясь, немедленно начинает кричать во всё горло. Ему тут же заткнули сабров рот, но крик уральный, звывающиеся рыкота, и со всей немецкой силой на холме начинают бить пулемёты. Пули свистят над головами. Вот падает раненый боец Нюбия. Его подхватывают и несут.

Вокруг становится всё светлее и светлее, — видимо, будет ясно, погоже утро. Бойцы кое-как переправляются по матам через провалы и достигают реки. Ранены ещё двое.

Под сильным обстрелом, сени пленных и раненых на дачах, отряд переходит реку и засматывает в кустах. Яное утро, видимость превосходящая, взорбаться наверх до холма.

И вот двадцать часов лежит отряд на обстреле, зарывшись в землю. Немцы безразлично бьют из пулемётов и миномётов. Налево и направо, сбивая порой и сбивая сверху, с холма, сильный ответный огонь.

Яковлев сидит в старом окопчике, сцепившись здесь от древних боёв. Рядом с ним лежат порывающиеся выскочить из окопа. Сеня — с которым он вместе сидел на школьной скамье, вместе играл в футбол и вместе пел вечером на дачном балконе тизие и протяжные песни.

Проходит три часа. Немцы опять начинают биться. Сеня сжимает с его рта помок — пусть кричит, теперь можно. И немцы начинают кричать во всё горло, точно часовой, уходящий в это время вперёд, прохотке перестрелки. Кричит и галдит над Яковлева зашпори, бесмысли глазами. Ну и бенный же понасил! Накричавшись до хрипота, немцы попрежнему тянутся бесконечно. Жаркий июльский полдень, солнце даже через фуражку пелёт голову. Яковлев сжимает шинель, расстёгивает ворот гимна-

настрёк. Скорей бы вечер! Есть уже не хочется, в ногах и руках неприятная слабость.

Чем бы хоть чем-нибудь отвлечь от этого огулающего грохота, перебивает пуля, близкая и дальняя разрывов, бесконечно молчаливого течения времени. Яковлев старается думать о чём-нибудь постороннем: сначала перечисляет в уме московские улицы, выходящие на площадь Свердлова, потом артезианские переулки, затем думает о том, где-то теперь брат Павел, сестра Нина.

Он спохватывается на том, что дремлет и дремлет довольно долго. Немцы сидят недвижно. Уяс за полдень, но до завтра ещё далеко.

2

Прошло ещё полчаса, перестрелка совсем утихла. Яковлев заволосся, расправив зашпориный чалма, непрерывно приподнимая над окопчиком и тут же потупившая резкий толчок в руку, пошвы окри. «Ранен!», сразу подумала он и опустился на дно своего земляной норы.

Горизонт струя, так неожиданно по ночную холодную дождевую алагу, покатила по руке. Гимнастичка на рукаве сразу поубрала. Немцы молча галдят на лейтенанта, и вздымаются его била зарываю.

Вызвать кого-нибудь на помощь нельзя: всякого, кто поштыается вылезать из окопчика, тут же подстрелят. Яковлев злойровой правой рукой зымы, из сумки вынул индивидуальный шпатель, расправил его, попареза ножом рукав гимнастички, завязал его, пытаясь стиснуть руку как можно туже. Бинт немедленно завалил, и немцы взглянули на повязку, лугу довольно и зло уаубаулись.

Неустротное бешенство подползло в груди Яковлева. Он видел, что немцы насаладилась его болью. «Ах, скотинка — ты гнида подумала он. И он небрежно уаубаулся, как если бы рука не прицалила ему ни боли, ни беспочвенности, опустил руку, вынул из кармана зашпориный зашпориный шпатель, и сел на ступеньку своего окопчика. Он знает, что он, Яковлев, обратился к нему за помощью. Нет, не будет ни слабости, ни стонот. Курить совсем не хотелось, кружались голова, и он, Яковлев, вынул из кармана пелеру и сплюкнул, как ни в чём не бывало. Боль стихала всё острее, а он курил и уаубаулся, будто мысли его были легки и беззаботны. Он чувствовал, что кровь уже просочилась сквозь бинт и олять заволоса руку. «Пробита кость!» — с тременой подумала он и уаубаулся. Он нехорошо поглядывал на солнце. «Скорей бы вечер, скорей, скорей!» — томительно думал он и уаубаулся.

Много часов продолжался этот безмолвный полёнок немца и русского, забросивший в него свои пулемёты, подползли зарываю и воли, зверя и человека.

Смысл Яковлева слабей, ноги подкашивались, боль становилась всё нестерпимей. Несколько раз Яковлев выливал в бесмыслие, но надрывные мускулы била столь велико, что тело продолжало оставаться всё в том же положении даже тогда, когда мозг перестав контролировать его движение.

И Юшова побояла: немцы-враг не увидела его слабости, не насаладилась его болью, не порывалась стонам советского офицера. Наступалась дачная полнота, но Яковлев всё ещё сидел в своём окопчике, подползли ступалась, и только тогда подад знак к выступлению. Он увидел, как по его знаку над замканными норками в темноте показались головы его бойцов. Он тоже вышел наружу, а здоровой рукой схватил немца за шиворот, пригнул его над окопчиком и бросил на землю. Тут же от сильного впечатления он почувствовал чужую ступающую боль в руке, что опустелась в ауру. Чуть-то голова наклонилась над ним, и знакомый, родной, тревожный, русский голос сорвался из его ушей: — Ты с нами, товарищ! — — Ранен — сказала Яковлев. — Я вот уже семь часов, как ранен.

Молодому русскому солдату

Когда я появился на свет, ты, русский солдат, имея уже за собой вековую историю, Тебя создал великий гений Петра. Под чужеземным мундиром, в который он тебя облачил, ты сохранила свой русский дух и помог великому преобразователю одолевая все трудности, связанные с перестройкой и укреплением российского государства на новых, европейских началах. Неладом Наполеон воевал своего поражения в холодных снегах России, получил в одной польской деревушке, задумчиво повторил лишь одно слово: «Полтава!», «Полтава!»

От этой первой петровской победы над одной из лучших европейских армий XVIII века пронёс ты, старый русский солдат, свои победные знамёна через всю Европу, как исполнитель воинского долга, как скромный носитель славного русского достоинства.

Перед тобой дрожал создатель немецкой военщины — Фридрих.

Твою душу понял Суворов, ставший благодаря этому великим.

Я узнал о тебе в раннем детстве по лубочным картинкам и восторгался твоими подвигами в борьбе с врагами, твоим героизмом и жертвенностью во имя отчизны.

Как же было мне, мальчику, не мечтать влады, тот мундир, который ты, русский солдат, с такой честью пронёс через суровые Балканы в Долину роз, до самого Царьграда!

И каким было для меня счастьем предстать перед тобой, старый русский гвардеец, с офицерским погоном на плечах!

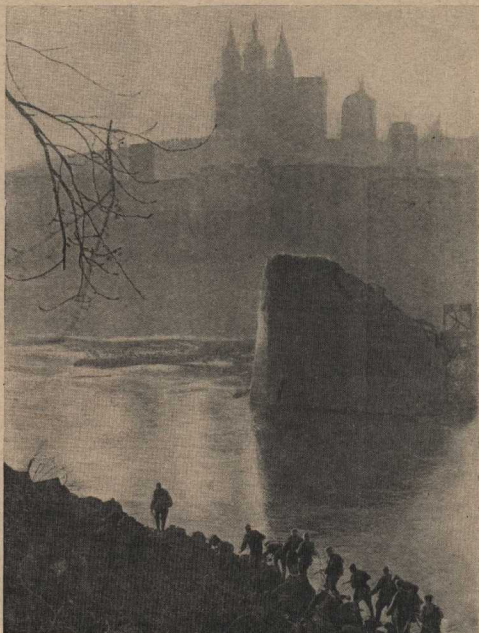
И кто, как не старые солдаты — унтер-офицеры, — оказались моими истинными учителями в несложных, на первый взгляд, но мудрых для всякого военного человека воинских спорках!

Русская природная смелка, русская неустрашимая удаля, русская сила богатырская — вот что на всю жизнь залечивалось в моём сознании от первых лет службы в старой русской гвардии.

Мне, рождённому под счастливой звездой, удалось не только дожить до времени, когда на смену высшему командованию царской армии пришли кадры, выращенные большевистской партией, но и заслужить высокую честь состоять в рядах генералитета Армии рабочих и крестьян.

Золотой галун генерала на моём погоне того же рисунка, что и погон моего прадеда — генерала Отечественной войны 1812 года.

Погон — этот традиционный знак русского мундира — ты, молодой солдат Красной Армии, получишь в дни Великой отечественной войны. Ты своим героизмом превратишь погона звезду в ордон и ордон. Воспитанный Советской страной, ты идёшь в бой сознательно; ты знаешь, что тебе защищать, как и чем побеждать.

Е. Шевелёва

У СТЕН СМОЛЕНСКА

День начинается. Дышит река
У стен, что построили предки,
И тёплая почка набухла слегка
На влажной обугленной ветке.
И город старинный стоит, как скала,
И солнце согрело до блеска
Пробитые вражьем свинцом купола,
Высокие стены Смоленска.
Утихла здесь только что злыя ветра,
Умокли раскаты орудий.
И день настает. И по кромке Днепра
Шагают суровые люди.
Им каждая ветка и камень сродни,
Открыты им светлые дали,
И чувствуют воины: это они
День новый в сраженьях создали.
Пред ними тяжёлый, непройденный путь,
Дороги, залитые кровью...
Вперёд! Чтобы солнце и воздух вернуть
Во все города Заднепровья!

Фото Г. Геловани и Н. Шифрина

ПОТОМКИ НАХИ

Н. Лабкоаский

Славя адмирала Нахимова выросла на Черном море. Здесь, у берегов Капшады, в зимние бури и осенью непогода раздвигались марши его похорон. Здесь, у крымских берегов, моряки нахимовской выучки дали бой истребителю, покаялся, что означают нахимовская стойкость духа, нахимовское умение в плаваньи, нахимовская неустрашимость в битвах с врагом.

«Жизнь каждого принадлежит отечеству», — учил Нахимов своих флотоподцев. «Смерть или воевать» — было его девизом.

Его боевые традиции абсолютно живы и сейчас, отдаленно или по фоту переломившим боем!

«В случае встречи с истребителем, протаранившим нас в силах, и атакуя его, будучи совершенно уверен, что выжить из нас сможет свой дельфин.»
Взлет у Симона Нахимов выиграл, потеряв 20 человек и ни одного корабля. У турок выхватил из строя в этой битве 7 фрегатов, 2 корвета, 2 транспорта, 1 пароход и 1 ялик. После Симона и Севастопольской обороны имя Нахимова прослыло по всему миру и в Норвегии, спустя много десятилетий, имя Нахимова повисает на ленточках матерских бесхарактерных воспитанников морского училища, и это означает, что роботам, собираемым здесь, предстоит пройти нахимовскую выучку.

Но все они пока еще в состоянии понять, что это означает — быть нахимовцами здесь, в Ленинграде. Эти воспитанники приобрелись больше как упреждающий мургу. Те, кто истратил, набрасываются на книги по истории. Самые взрослые уже испытали на опыте многое из того, чему их теперь учат. Об этом говорит одежда и жидыня.

Вася Черненко 13 лет. Матроска для него никогда не была легкой одеждой: уже с самых ранних лет она была для него формой. Его отец старший лейтенант Черненко погиб при высадке морского десанта во время войны с белофиннами. О трагической судьбе его отца рассказывала сестра на словах своим младшим братьям. Мать — Агата Ивановна — пошла на рук фашистских швертов в городе Георгиевске в 1942 году, отправленная продуктами впитана при немецком отступлении...
Кружало вокруг Васи. Черненко привстал и воспежал красноманьбинный десанец. Вася

вступил в комсомолистический ряды на Черном море.

У нахимовской выучки в ленточках и значках, погонах, Матроска, Матроска!

Ленинград. 15. Матроска, Матроска!

Вася Черненко, Матроска!

Дети все привозили и в

Все они бы

А ты же

Бессонице

двухлеткой —

И если вы

во-первых

рыбки Рыболов

титани, кингстон

Медальоны

внимая саде

триники восту

и фирмой все

КИ НАХИМОВА

Н. Лабковский

на Кавказа, в индустриальных Березов, чистая и беззащитная в битвах подводов.

ни по флоту переставая его, будучи корабль. У турок корабль и в шлюп, к нему жмет и с мачтовых выстрелов бьются, собранными

дальновидцы здесь достигают меру, уже вынужден на деле, той ожедой; уже не черткою и неслучайно судьба его млада Панамова — траншеями прохудивший экипаж. Пана

поступил в военно-морской, стал размышлять и на отличную балладу в чьей руке, за обозначение боеприпасами десантной группы он награжден орденом Красной Звезды и значком «Молодой революционер». Теперь эти выданы, повторившей отца на Балтийском море и влившись на Черном проливоме египетского дела, участв в Нахимовском училище в Ташкенте.

У нахимовского профессора — Юрия Кузнецова — мать и отец погибли в Таганрог: были выучены в институте инженеров. Мальчик учился углубленно и с интересом. Его подобрали и воспитали черноморцы. Мальчик оказал самоотверженные услуги в боях за Севастополь, награжден орденом Красной Звезды и значком «За оборону Севастополя».

Депутатские мальчики, прибывшие в училище, награждены медалью «За оборону Севастополя». Талантливый Павлик Гаврилов был бойцом броненосца «Мальчик» Анатольевич Морозов служил в оперативной группе Анатольевич Аринин — воспитанник береговой флоты; Виталий Балачевский был разведчиком; Юрий Поточков и Павел Басильев — радистами; Николай. Все они с пылом юности знали родной город и заслужили право на то, чтобы стать моряками-нахимовцами.

Этот миг не предвещает выезда к морю. Иона же они складывают морские знания, упражняются в морской дисциплине, занимаются в судах морские традиции. Все они были очень разные ребята. С разным уровнем подготовки, с разными привычками. А теперь всеобщее на ровный строй моряков — их объединяла не только форма, но и мечта о море.

У Бессоновой и Тельмина — это морские традиции. И боевые дела на груди у двенадцатилетних — морские традиции. И дисциплина, доблесть, строгость — тоже морские традиции.

И если вы не знаете ни то, как Генерал Аринин, отец по своему комплексу дисциплины, во-морскому выигрывается во флот при встрече с начальником училища, контр-адмиралом Рыбальковским, и ни то, с каким воодушевлением слушают ребята в классе своего воспитателя, капитана 3-го ранга Кузнецова, если вы не знаете равнообразные занятия, где основным содержанием мероприятия — это изучение гавани Севастополя Сивого, а на стороне — как ребята садятся урны юности, — вам стоит подумать, что здесь истинные морские традиции и будут еще ближе к морю. Но только училище имеет исторические традиции и морские воспитательные моряки, детские называются потопками Нахимова.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

А. Палей МОСКВА

Мы позже увидим её наву.
Теперь она только нам снится.
Мы гоним далёкую нашу Москву,
Любимую нашу столицу.

И помят она, красновоздушная, нас.
Приветом огня и металла
Торжественно гордим салютом не раз
Она уже нам грохотала.

И те, кто нам письмами тревожные шлют,
С кем быть нам так хочется вместе,
Возлюбленно слушали этот салют —
Победы и встречи предвестье.

Придёт этот день, и желанный тот час
Воскалывшая стрелка ответит.
Снятые горячим, внимательных глаз
На шумном перроне нас встретит.

Но очень нехорошо победу найти:
Её не поднимешь с дороги —
Её добывают на грудном пути
Похода, боя и тревоги.

Чтоб нашу победу прославили весь мир
Над врагом злобным и лютым,
Москва адюксовена грядет в эфир
Последним победным салютом.

Действующая армия.

Олег Смирнов

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Прощаясь с родной, казак —
Давно так повелось —
В пилоток узурный заваял
Земли кубанской горсть.

Немало дней с минуты той
Сталось поведи:
Плывот — и днём и ночью — свой
Носил он на груди.

У минувшей сойки, на краю,
Где снег слепит глаза,
Беззабодным вечером в бою
Выл равен в грудь казак.

На Сесере, где нет степей,
От родины вдали,
Ои кровью оросил своей
Родную горсть земли.

Действующая армия.

Яков Жихарев

МОГИЛА ПАРТИЗАНА

Мы у Днепра его похоронили,
Как он просил. На пройденном пути.
Могилу снежним дёрном обложили,
Чтоб немцы не могли её найти.

Никто из нас не выдал гора злого,
Но все — от командира до бойца, —
Не створаясь, друг другу дали слово,
Навек соединившее сердца.

Мы знали: слово тот лишь держит честно,
Кто видит смерть на острие штыка.
Нас приведёт опять на это место
В слезах неразговорная тоска.

И останется холм на тихом раздорожье
И будет нашу созывать семью.
Что может быть нам ближе и дороже
Могила друга, павшего в бою!

Леонид Ребичев

СОЛДАТСКАЯ МЕЧТА

Мы трудимся без меры днём,
Великой армии солдаты.
Мы вспоминаем перед сном
О том, как жили мы когда-то.
Как просто было стать большим,
Учиться, отдыхать, работать.
В пустой квартире запершись,
Читать романы Вальтер-Скотта.
Мы думаем гадьем вслух,
Как когоченся война весной,

Рисунки Г. Балашова

Как мать нас не узнает вдруг,
А после — слёз своих не скроет.
Как мы войдём в отцовский дом,
И мать с собой посадим рядом,
Как мы друзей своих найдём,
Как будем щеголять наградой.
Своих мы не стыдимся дум —
Забудутся все наши беды!
Нам помогает на ходу
Мечта — предвещица победы.

Действующая армия.

В. Викторов

ЗВУКОВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Дальновидная батарея пришла ночью. Тракторы подтащили орудия к заранее намеченным огненным позициям и, обделенно урча, ушли обратно в тыл. Телефонисты протянули провода, связав орудия с наблюдательным пунктом командира. Заняв свои посты разведчики, и ротыже щупальца стереотрубы поднялись над землей.

Первые задания, стоявшие перед орудиями «ДД» (этими двумя буквами обозначается артиллерия дальнего действия), разведчики искали артиллерийские батареи немцев и прежде всего дальновидные. С ними ведут борьбу орудия «ДД». Для них немцы делают дальновидные батареи — враг № 1.

Сколько часов потребуются наблюдателям, самым зорким и умелым, чтобы проникнуть в то неведомое пространство, которое раскинулось далеко за передним краем врага? Местность позволяла немцам надёжно прикрыть свои батареи за скалистыми холми, а время не терпяло промедления. Как же использовать весь мощь огромных пушек, если цель не видна? Тогда-то и зашипта эшмуер и дежурный телефонист сказал командиру:

— Товарищ командир батареи, вас просят к телефону капитан Ростовцев...

Утро выдалось ясное, морозное. Но в просторный биндаж командира звуковой батареи капитана Ростовцева дневная свет не проникла. Выпрыгив в свете лесистой высоты, он не пропустил даже звуков с поверхности земли. Здесь всё приборы, сбитые дивиски, запахи тухли, циркуля, чертёж, накрытый на доску, — давало блиндаж похожим на конструкторское бюро какого-то завода. Да и сам капитан Ростовцев, сложивший и аккурный обшёр, очень походил на начальника конструкторского бюро. Он и работал до войны инженером на Ленинградском станкостроительном заводе, и шёл цифр, которым он сейчас делал бы близок и понятен ему. Только теперь с помощью этих цифр он не создавая новые станки, а разведывая расположение немецких пушек.

Глухая земляника казалась совсем оторванной от внешнего мира, но сюда с поверхности земли, словно корни, спускались провода. Эти провода связывали аппарат, стоящий в углу, с небольшими ме-

таалескими ящиками, установленными далеко впереди, вдоль линии переднего края. Мощные звукоприёмники, заключённые в этих ящиках, улавливали какой-то громкий звук, идущий со стороны противника.

Вот в какой-то неведомой точке ударило орудие раз, другой. И разведчик-предупредитель, управляющий этими небольшими железными ящиками, вёл линии центрального прибор, соединённый с ними проводами. С лёгким шуршанием пошла широкая бумажная лента. Самозаневающиеся перья под воздействием электрического тока приняв в действие, записывая на ленту малейшие изгибы звуковых волн. В ту же секунду зашипта телефон и сержант Вавсов, дежурный у центрального аппарата, ухватка толкая передового наблюдателя: «Из четвёртого района бьёт 105-миллиметровое орудие». А лента всё плавала и пошла с аппаратного звонка, покрывалась зигзагообразными линиями, походя на какую-то диаграмму. Всего на ленте таких, параллельно идущих линий было пять, по числу установленных звукоприёмников.

Теперь начал действовать боевой расчёт звуковой батареи. Лейтенант Хауауэров, деспинфронтик лейнги, сям ёё с аппарата. Он внимательно изучал эти записи многих различных звуков. Ведь в то время, когда немецкая пушка произвела выстрел, были немские пулемёты, воли оловя, автоматички и стрелки, наши штурмовики пролетали на бронею полёте. Все эти звуки уловил мембраны звукоулавливателей и в виде прерывистых линий записаны на ленту. Но как найти среди этих разнообразных звуков сел артиллерийского выстрела? Острый глаз деспинфронтика уже через несколько мгновений обнаружил его. Звук орудия, записанный на ленте, отделился от шумных выстрелов так же, как отливается морская волна от речной рёй. Острые гребни и глубокие впадины этой волны и отметил Хауауэров кружочками, прежде чем передать лейнту съёмщику красноймейку Антилюю.

Тогда-то и появилась первая цифра. Звук выстрела доходит до каждого звукоприёмника не в одно и то же время, а с каким-то опозданием, выраженным в ца-

сачных долях секунды. Вот эти-то долики и рассчитал съёмщик с помощью особого съёмного прибора. Через несколько секунд лента была уже в руках вышедшей сержанты Ханчука. Несколько движущихся асгарифической линейкой — и на бумаге появилась вторая цифра, показывающая направление на звуковую цель. После этого лейта связывался с ружья у планиметриста сержанта Данилаушкина. Последний расчёт — и на карту нанесены три линии, скрещивающиеся в одной точке. Вот эти-то две пятизначные цифры — координаты цели. Теперь на карте видно: батарея стоит у небольшого озера, в семи километрах от линии фронта, так тщательно укрытая в лесу, что только заметить её одной вспышкой. Ещё несколько минут назад батарея была неведомой точкой в пространстве. Сейчас это цель № 124...

Вот что произошло ясным, морозным утром за пять минут до того, как капитан Ростовцев вышел по телефону командира батареи и назвал ему две пятизначные цифры. Ещё через несколько минут наша батарея начала артистраку и штурмовая полара бумажной ленты снова пошла в руки лейтенанта Хауауэрова. На этот раз перед ним была запись звуков разрывов трёх машин снарядов. И снова лента пошла своим гигантским путём из рук в руки с тем, чтобы вновь через пять минут капитан Ростовцев сям телефонную трубку и сообщил на батарею:

— Неолойт 200 метров!

Опять три снаряда взорвались где-то в районе невидимого озера, и ещё через пять минут артиллеристы услышали доносящееся звукоулов...

— Неолойт 50 метров!

Ещё три выстрела — и пять неизвестных линий появились на ленте. Теперь капитан Ростовцев передал комбату:

- Снаряды взорвались около цели. Чуть-чуть влево, и можно переходить на поражение.

Пока артиллеристы готовятся к открытию огня, лента всё поёт и поёт, и звукоуловитель продолжает писать цель № 85. Эта цель уже знакома звуковикам. Пять дней тому назад трёхорудийная немецкая батарея, зарегистрированная под этим номером, была обнаружена капитаном. Теперь она снова пробует ожить. Но в время как цель № 85 берётся на учёт, наша дальновидная батарея начинает огонь на подавление цели № 124.

У маленького озера, где сошлись три линии планиметриста сержанта Данилаушкина, бушуют разрывы огромной силы — здесь же, на ленте, они выгладили зигзагообразными линиями. Едва успев отгнать эти разрывы, лейта сям ещё, инженерю, не расселся над огневыми позициями немцев, как звуковики уже закончили «разработку» двадцати разрывов и сообщили на батарею:

— Восемь снарядов прямо в цель. Хорошо бьёт!

Так в тихом биндаже идёт невидимая, незримая борьба. Ничто не может скрыть от людей, действующих здесь, немецкие пушки ни скаты высот, ни стены лесов, ни ночная темь. Звуковые разведчики захватывают звук, как их «дальние родственники» — немецкие разведчики — берут «языка». И вот звук раскрывает им артиллерийскую тайну: точку на карте, где скрываются немецкие пушки...

На мгновение всё стихло до линии фронта. Тихина поёт на ленте пятью рывками, скользя по линиям по линейке антингии. Но вот линия рванулась вверх, скользящая линия: какой-то звук наломала их. И снова склеивается на эту запись лейтенант Хауауэров и сям передаёт лейнту капитану Ростовцеву, человек точной цифры и неутомимого расчёта, сообщает артиллеристам координаты вражеской батареи. И наши могучие пушки наводят противнику лютый сокрушительный удар.

Легкие ступицы

Семидесять пять лет назад по дворе дома, раскинувшего свои многотажные корпуса между двумя улицами в центре Москвы — Петровкой и Неглинной, — появился первый ледяной каток. Он был двухэтажный: в верхнем ярусе лёд покрывал тепличные сортами, снизу — замерзла мелкая вода окружённая в 200 метров. Здесь спустя двадцать лет — 19 февраля 1889 года — состоялся первый розыгрыш «Первенства России в скоростном беге на коньках».

В соревнованиях участвовали 6 конькобежцев: 5 московских и 2 петербуржца. Победителем чемпионата вышел петербуржец Панин. Трёхвостую дистанцию он проехал за 7 минут 21,75 секунды.

Той же зимой Панини был приглашён в Амстердам. В столице Голландии русский скороход встретился с американцем Дюнопо, предложившим ему на родине немалым количеством денег. Митч чемпионов двух полузвоний на знание лучшего конькобежца мира закончилась победой Петербуржца. Панини выиграл две дистанции — в 1/2 и 1 милю. Дюнопо показал лучший результат на 2 мили.

Много блистательных побед одержал Седов в том же на ледяной дорожке русского конькобежца. В 1894 году чемпионом России по конькам стал мастер Николай Седов. Это был человек мирового класса. Седов отличался необыкновенной выносливостью. Приобретал он её весьма своеобразным способом. Он проходил на катках в отягощённой меховой шубе и, не снимая её, пробегал сто кругов. Такие тренировки проводились систематически. Золотую медаль чемпиона Н. Седов получил в 18-летнем возрасте. А через два года в межклассовой спортивной заставе заговорить о себе весь конькобежный мир.

Седов в первый раз принял участие во всемирном первенстве, проводившемся в Финляндии. Каток в Гельсингфорсе находился на взморье, где всегда дув сильный ветер. В дни соревнований поднялся снежный буран. Бег на большие дистанции в такую погоду требовал огромного физического напряжения. Седову после его московских тренировок зетель была изрядна. Он выиграл обе стайерские дистанции, а в беге на 10 тысяч метров — конькобежца финляндец — занял первое место с неслабым преимуществом, на 58 секунд опередив финна Стромстена. На этой чемпионате Седов забрал лучшую ступицу оловя и был

Платон Ипполитов (1914 год).

награждён значным кубком мира.

Седов выиграл первенство страны четыре года подряд и пошёл дальше дорожку конькобежцам. Стромстеном, две зимы получивший жестокие уроки от сверстника, не забывавшего жалости в спортивной борьбе, пошёл дальше своего предшественника.

В эти годы в Москве у Седова появился достойный конкурент. Это был Николай Струнников. Молодые спортсмены изобрели соперничать между собой, тренировались на разных катках, тщательно скрывая друг от друга свою спортивную «форму». Седов рано утраил юношескую каюк на Патриарших прудках, редевшие «ступицы» Струнникова были чистые прудки. Каждая астрыца незначительных соревнований вызвала необычайный интерес у зрителей и журналистов широкого и европейского парвенства лишь всеми конькобежцами угадать в течение одной зимы выиграть оба турнира, стать, так сказать, абсолютным чемпионом сезона. Трое из них — Александр Митисев, финн Гунбер и Струнников — сумели завоевать двойное первенство дважды.

Но только один конькобежец выиграл этот «дубль» подряд два сезона: это Николай Струнников. Одно из сверхающих выступлений Струнникова на заграничной было в 1911 году в Норвегии. 17 лет некто не мог даже приблизиться к феноменальному результату голландского конькобежца Эзена, показавшего в беге на 5 тысяч метров время 8 минут 37,5 секунды.

Н. Седов (1905 год).

Струнников, приехавший в Норвегию для участия в международном соревновании, раз в тренировку выступил на норвежском первенстве. Бежал он свою любимую дистанцию — 5 тысяч метров. Результатом этой «прогулки по льду» был новый мировой рекорд: 8 минут 37,2 секунды! Струнниковым мастерством спортивного журналиста прозвал Струнникова «олаваком чудом».

Струнников выступил в пяти международных первенствах и во всех этих турнирах неизменно выходил победителем. К сожалению, свою блестящую спортивную карьеру замечательный скороход закончил досадно рано.

После «замысловатых» порывов наступила чемпионская пора третьего поколения русских конькобежцев.

В зиму 1911 года звание чемпиона России получил мой старший брат, Василий Ипполитов. Я был «лучшим беговым катком», чемпионом Косроградского катка и перлами конькобежного катка Зоологического сада. Но к чести страны: я и myself «сидел», так как бегал на катках восточной части Москвы. Случайно зимой и всё же принял участие в роуминге и в скорой борьбе в Н. Найденов выиграл кубок первенства страны.

В 1913 году европейское первенство разыгрывалось в Петербурге. Среди участников турнира был метростроительный чемпион мира «король конькобежцев» голландец Матисев. Московские мастера извелили ему жестокое поражение. Золотую медаль чемпиона Европы взял Василий Ипполитов.

В этом соревновании исключительно интересной была гонка Матисева с моим братом на 1500 метров. Норвежский чемпион не знал поражений в мультитраверском беге (беге на средние дистанции), и мировой рекорд принадлежал ему. Несмотря на то что Василий Ипполитов получил худшую дорожку, он опередил норвежца и закончил дистанцию с рекордным временем — 2 минуты 25,4 секунды. Этот рекорд 16 зим оставался непреодолимым.

В 1913 году Восток Ипполитова притянула в армию. Когда зимой московские катки открылись сезон, чемпион Европы в это время занимался с устройством глубины в артиллерийском движенье. Но судьба всё же было угодно, чтобы он ещё раз погостил на ледяной дорожке с Матисевом.

На имя третьего министра гене-

А Панин (1889 год).

рала Сухомякова пришло из Норвегии известие с необычной подробностью: конькобежный клуб Христиани (ныне Осло) просит отпустить в Россию Василия Ипполитова за границу для участия в международных соревнованиях по конькам. Просьба возмечта действить, и молотом сохлуду выданы заграничный паспорт — случай, вероятно, единственный в царской армии.

Удасть фельдфебель, передал стрижком чемпиону необыкновенную увольнительную записку, приказал минону не срамить честь русского солдата заграничей и возвращаться в свою воинскую часть не иначе, как с медалью победителя. Русский артиллерист не покаявал и тот второй раз выиграл дистанцию на 10 тысяч метров у лучших стайеров мира — норвежца Матисева, артиллерийского Борера и финна Викстрема.

Зимой 1915 года записку дала Якова Мелиникова. Свой первый титул чемпиона он выиграл на кружках восточной области и поощрили в надежном патриархе и ним и собрал чемпионом, отнял у него звание лучшего конькобежца России. Как это произошло, директор этих стоек помнит очень хорошо, но победителем чемпионом был он сам.

В первый же день выиграл Мелиникова выиграл две дистанции, предельно, таковы обрелись, решая, таковы обрелись, жесточайшей борьбы. Тем не менее в беге на 1500 метров между нами разыгралась «горячая» борьба. Но как мы ни старались опередить друг друга хотя бы на несколько сантиметра, снизу после яв ляду наши коньки переклика миг в миг. Однако обоим не пожелало в конечном результате: судьи объявили новым мировой рекорд — 2 мин 27,2 секунды.

Черезгод, века не мерла слава Мелиникова, этого самого удивительного из чемпионов. Он опередил 11 абсолютных чемпионов восточных СССР по конькам. В ледяном сваяке армянского Л. Мелиникова, над которыми он держал дистанцию — 2 милю, победы в классических конькобежных многоборьях, выдающиеся ри-

Н. Струнников (1911 год).

Абсолютный чемпион СССР по конкам 1944 года. И. Петров.

пары ледяной дорожки: 6 чемпионов мира, 3 победителя европейского первенства и 14 соответствующих, носивших звание чемпиона страны.

Семь последних чемпионатов на территории СССР характерны подвижками московского чемпиона Ивана Анкиванова с горьковчанином Евгением Летфутовым. Эти два развенчаны по технике и стилю мастера тушинцы конькобежные рекорды СССР на всех дистанциях.

Первый роулинг первенства СССР по конкам среди женщин был проведен в 1928 году. Звание чемпионки страны получила Алексеева. Сейчас, 16 лет спустя, без преувеличения можно сказать, что женской команде СССР, включившей выдающихся спортсменок: Валентину Кузнецову, Татьяну Куряжну, Серофиму Паровую, Марию Исакову, Зою Холщеникову, Марию Кузнецову, Марину Валютину, — нет равной в мире.

Чемпионат на первенство страны по конкам, который был разыгран в Москве в феврале этого года, — пятилетний по счету.

Блестящую победу одержал ленинградский спортсмен Николай Петров, занявший первое место в беге на 1500, 5 тысяч и 10 тысяч метров и получивший звание абсолютного чемпиона СССР 1944 года. Он выиграл первенство у двенадцати чемпионов СССР, выдержав сильнейший натиск москвича Ивана Анкиванова и Игоря Ипполитова, чемпиона Советской Латвии Петра Стрелца, горьковчанин Евгения Летфутова и Николая Лебедева. Таким образом, победителем первого и пятидесятого чемпионатов оказался спортсмен горьковского города на Неве.

Первенство среди женщин завоевала москвичка Зоя Холщеникова.

Так закончилось первое полувековое конькобежное тушинское русское скоростное.

Абсолютный чемпион СССР по конкам 1944 года З. Холщеникова.

ФРОНТ СМЕЕТСЯ

ПОРАЗИЛ

Рис. старшины
А. Засоловского

— А правда, что наш фронт выдвинул роту вестки?
— Конечно, правда: когда есть, то все роты морзались, как они извержились на фзу.

(«Сказочка».)

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Рис. старшины
Д. Красильникова

— ГИТЛЕР ГЕББЕЛЬСУ: — Молчи, трусих, имачи... Не трать свое имя на...

ЛИСЬЯ ШУБА И ТОПОР, ДВА ФАШИСТА И ЕГОР

Воло река, у станция,
За горовой кринией,
Музи тучено жужжат.

Почему

Жужжат?

Потому что у станция
Два спявнивших фрица
Вездыхланныи ласкат.

Почему

Они

Лежат?

Потому что этим фрицам,
Перед тем как а драи

Трудно было помириться,

Пуститься,

Пуститься,

ДОШЛО

— Гавс, вапнени-то а нова,
почему эти восточные
земли павляються, оканни-
вак пространствениа?

— Почему?

— Потому, что за него
волаются миллионы несо-
ветских вавнии.

— Так зачем это делается?
Чтобы нам, немцам, бы-
ло интереснее.

— И сами образуют?
— Нас уверяет твое мило,
что, когда мы перебежим в Гер-
манию, нам уже не будет
теши.

(«Разгром врагов».)

Шубу лисью поделати.

Шубу —

Как её

Делати?

Не водими, чай, напиться!

И приналось воям

свиниться,

Друг на друга вавляться!

И делаться, что есть сия.

Кто же

Всё ж их

Помирят?

Помирят их дел Егор,

Да ещё его топор.

(«Отважный воин».)

Рис. А. Вязникова

— Герр Фюрер, и избрлти новый
команде. Но нест слукажи ежели он
будет показывать на запад.

(«На разгром врагов».)

СОЗНАНИЕМ ДЕЛА

Все боины как будто по-одинаковому убивают немецких оккупантов. С одинаковой яростью. А послушавшись их и убедившись, что существует разница: каждый бьет врага по-своему, согласно старой своей, довоенной профессии. Например:

Бывший кузнец, увидевший до войны подковы, теперь грохочет в траншею бегом прикладом по голове фрица а скажет: «Есть! Ещё одлого загнул!»

Бывший фотограф, внезапно подослав к белофинскому часоному, непременно шепнет товарищам: «Спокойно, снимаю!»

Бывший портной, сбивая оверлоу из ручного пулемета «мессерингита» немецкой винтовки, восклицает: «Плотная строчка Развехелса по всем швам!»

Бывший рыбак, прострелив голову немецкому солдату, умехлётся: «Клюнул, гад!»

Бывший рабочий московского метро, высекая и сивя меткой пудей белофинскую «кукушку», скажет по старой привычке: «Готов!»

Бывший учитель, ивле командир отряда, скажет: «А тут-ка шарпальное ещё разок! Повторение — мать учения...»

Доктор, а теперь военврач, встретив разведчиков, не удержится, чтобы не похвалить их: «Операция прошла удачно. «Язык» у вас сегодня превосходный!»

Бывший бухгалтер, броса гранату в немецкую землянку, с удовольствием отметит: «Баланс по всем статьям! Баланс поведён полностью!»

И так далее... В общем, бьет, как говорится, с полным знанием своего дела!

Красноармеец
М. ЯБЛУНИН
(«В бой за родину».)

МОЛОДЫМ НЕМЦАМ СВОЙСТВЕННЫ...

...выносливость

...жестокость

...в некоторых случаях широтность

...а порой им по чуждо и жестокость

Рисунки старшего краснофлотца Л. Савойкина.
(«Красный Балтийский флот».)

КУКРЫНИКСЫ РАССКАЗЫВАЮТ О СВОЕЙ РАБОТЕ

Девяцать лет назад Максим Горький писал о молодых художниках — Михаиле Куришине, Порфирии Крылове и Николае Соколове, ещё в студенческие годы объединившихся в творческое содружество под псевдонимом Кукрыниксы: «Не зная, существовала ли, и не зная, что в области карикатуры могла существовать, так как единосущная и нераздельная троица, как наши Кукрыниксы. Их талантливость общезвестна; за шесть лет своей острой, всесторонней остроты, всесторонней и непрерывной своего роста и ценности своего творчества... Желая их трюизе ещё более тесной дружбы, ещё большего единения в работе».

Художники успешно осуществляют горьковское напутствие. За эти годы они завоевали широкую известность и признаны не только в нашей стране, но и за рубежом. У нас хорошо знают и любят Кукрыниксов — авторов замечательных сатирических рисунков, крупных живописных полотен, портретов, лирических пейзажей, художниково-иллюстраторов книг. Талантливые карикатуристы Кукрыниксы печатались в «Смене» ещё в первые годы существования журнала.

С начала Отечественной войны Кукрыниксы развет, являясь сатирическим оружием — едкой, уничтожающей карикатурой, злободневной патристическим плакатом, Подготовившая работа художников получила высокую оценку:

«Душа дружеская» шарж.

Художники Кукрыниксы:

КУРИЯНОВ, КРЫЛОВ и Ник. СОКЛОВ

в 1942 году присуждена Сталинская премия первой степени, а также присвоено звание заслуженных деятелей искусств.

«В вселенной рабочей комитете Кукрыниксов за столом лист бумаги на нём сделанная карандашом запись неотложных дел: срочная работа для газеты, журнала, журнала, вальдальства. Работают Кукрыниксы много, рождаются

тема, все трое делает по наброску, выбирают лучший, обсуждают его. Затем один из художников делает рисунок, который остальные дописывают».

— Систематически, изо дня в день, мы рисуем карикатуры для газет и журналов, плакаты, «Окна ТАСС» — рассказывают Кукрыниксы. — Это наше обязательное каждодневное заня-

тие. Помимо того мы работаем как журналисты и графичи. Недавно, в частности, мы закончили серию рисунков для книжки рассказов А. Чехова, которая будет выдана в массовой библиотеке журнала «Красноярское».

В декабре 1943 года нам удалось совершить месячную поездку в автомобиле по дорогам войны. Нам и раньше приходилось бывать в районах, освобожденных от немцев. В результате посещения Петрищево — места аверской казни Зоя Космодемьянская — была вновь оставлена после себя немцами. Мы наблюдали страшную картину разрушения, которую оставили после себя немцы: Мценск, Орел, Курск, Фатеж, Сухож, Мясое. Каждый из нас сделал десятки этюдов насмоя и множество карандашных набросков. В них мы стремились запечатлеть трагическое пейзажи войны и черты возрождения жизни в освобожденных районах. Все это материалы к будущим большим полотнам, в которых мы хотим выразить величие и силу мужества советского народа-воина, народа-победителя.

Скоро различные ведомства Москвы готовят к выпуску новые альбомы Кукрыниксов: «Чёрная по белому» с текстами С. Маршала и альбомы политических карикатур.

О. Леонидов

«ПИГМАЛИОН»

Бернард Шоу на сцене Малого театра

ливая и яркая личность. Этого внутреннего роста своей ученицы не предвидел профессор Хитинкс. И если он торжествует как недельно, то терпит поражение как человек. Его биомозукий и сомонадежный взгляд не рассматривает богатой духовной жизни под аскетическими бедной прототипами.

«Пигмалион» можно ставить развлекно. Чаща всего этот спектакль трактовался как комедия весёлых положений. Она вызывала смех, но не толкала зрителя на размышления о характере и судьбах героев. Московский Малый театр, включив «Пигмалиона» в свой репертуар, пошёл по линии наиболее полного сопереживания. Сохраняя комедийный характер пьесы, он угадывает в ней, которые завоёваны в ней, и на первый план выдвигает социальный и философский смысл «Пигмалиона».

Д. Зеркалова в роли Элизы Дулиттл.

Роль Элизы относится к числу труднейших сценических образов. На протяжении пяти актов пьесы исполнительница должна пройти весь ступень своего внешнего и внутреннего совершенствования — от вульгарной дочери лондонских трудящихся до интеллектуальной девушки с обширными знаниями в человеческих отношениях.

Превосходный мастер сцены, Д. В. Зеркалова с одинаковым искусством пользуется средствами и комедийной и драматической игры, заставляя зрителя то недоуменно смеяться, то изумлённо переживать горечь обид и разочарования Элизы.

Идея совершенства, которая человек очень близка современному советскому зрителю, она поучительна для нашей молодёжи. Артистка Д. В. Зеркалова

показывает, чего достигла Элиза Дулиттл в борьбе стремления подняться на более высокую ступень культурного и интеллектуального развития.

Роль Герри Хитинкса играет опытный и даровитый комедийный артист К. А. Зубов, являющийся и режиссёром спектакля. У К. А. Зубова много энергии жизнерадостности, он выводит Хитинкса за пределы угорьства в разрозненные излучениях задач. И в то же время он разоблачает — пусть незаметно — трюизм этого злодея всех интеллигентных произношения, который оказывается полным невеждой в проблемах человеческой души.

Чувственный рисунок даёт народная артистка СССР Е. Д. Турчанинова, исполняющая роль матери Хитинкса — женщины мудрой и широко смотрящей на вещи. Она синхронизирована к своему чудовалому слуху и умело испаряет и его ошибки и ошибки его друга — полковника Пикеринга.

Появление на сцене Малого театра одной из остроумнейших пьес замечательного современного английского драматурга можно вельчески признать.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Сало Флора

Нижне мы привели партию гроссмейстера М. Ботвинника, игравшую вы против Хачатурова в законченном виде. Недавно шахматный чемпионат Москвы, М. Ботвинник участвовал в турнире вне конкурса, поэтому название чемпионатов столиц было присуждено гроссмейстеру В. Смыслову, отставшему от чемпиона СССР на два очка.

В этой партии М. Ботвинник проиграл и сильно наказывает противника за стратегическую ошибку в дебюте. Игра гроссмейстера настолько методично-последовательна и убедительна, что не требует подробных комментариев.

ПАРТИЯ № 3

Белые: Ботвинник
Черные: Хачатуров

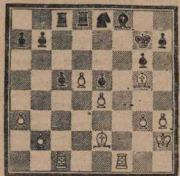
1. Кg1—f3	Кg8—f6
2. e2—c4	e7—e5
3. g2—g3	d7—d5
4. c4×d5	Kf6×d5
5. Cf1—g2	Kb8—c6
6. d2—d4	e7—g6?

Грубая стратегическая ошибка. Правильно было б... c×d4.

7. e2—e4	Kd5—b6
8. d4—d5	Kb6—b4
9. a2—a3	Kb4—a6
10. Kd1—c3	Cf8—g7
11. h2—h3	0—0
12. 0—0	e7—e5?

Неверный ход. Следовало 12... e6.

13. Фd1—e2	Cc8—d7
14. Cc1—g5	Cf7—f6
15. Cg5—e3	Kb6—e8
16. Kf3—d2	Kc8—d6
17. Kd2—c4	Фd8—c7
18. Лd1—c1	Лb8—e8
19. Лf1—d1	Лf8—d8
20. Cg2—f1	Kрg8—h8
21. Кe4×d6	Фe7×d6
22. f2—f4	Cg7—f8

Положение после хода черных 30... Лd8—d6

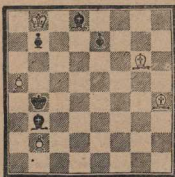
23. f4×e5	f5×e5
24. Кc3—b5	Фd6—b6
25. Kpg1—h2	Cd7×b5
26. Фe2×b5	Фb6×b5
27. Cf1×b5	Kd6—c7
28. Cb5—e2	Кe7—e8
29. Лd1—f1	Kрh8—g7
30. Cc3—g5	Лd8—d6

Великие слоны страшной силой вторгаются в расположение черных, которые беззащитны против следующего за этим слоновью белых ладей по линии f.

31. Ce2—g4	Лb8—c7
32. Cg4—e6	Лe8—c6
33. Лc1—e2	h7—h6
- Ошибочный ход, но положение черных и без того безнадежно.
34. Cc6—d8. Черные сдались.

ЭТЮД № 5

А. С. Гураич (Москва)

Белые: Крb8, Cg6 и b4, nb2, a5.
Черные: Крb4, Cd8 и b7, nb7, e7.

Белые выигрывают.

РЕШЕНИЯ ЭТЮДОВ

Этюда № 2 (А. А. Трапезникова):

1. Kd4 + Kd1 2. Kb5 a2
3. Ka3 + Krb2 4. Cf6 + Kр × a3
5. Ca1 b5 + 6. Kрc3 b4 +
7. Kрc4 b3 8. Kрc3 b2
9. C × b2 мат.

Этюда № 3 (Л. И. Куббелз):

1. Ke3 + Kрc3 2. Фe4 + Kрf2
3. Фf4 + Kрe2 4. Фf1 + Kрd2
5. Фd1 + Kрc3 6. Фe2 + Kрb4
7. Фe2 + Kb3 8. Фd2 + Kр × a3
9. Ke2 мат.

Этюда № 4 (А. М. Белинского):

1. Лe8 + Kpg7 2. d6 Лd5
3. d7 Л1 × d7 4. Крf4 Л × g2
5. Лe7 + Л × e7 мат.

ФОТО-ЗАГАДКА

УГАДАЙТЕ,

ЧТО

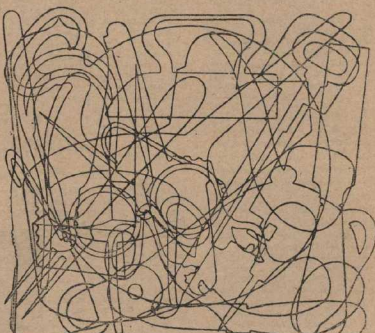
ЭТО

ТАКОЕ?

ДЛЯ ЗОРКОГО ГЛАЗА

ГРАФИЧЕСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Какие 20 предметов изображены на рисунке?

В НОМЕРЕ:

Молодые поэты, А. ПАЛЕП — Москва, О. СМЕРНОВ — Гореть родной земли, Я. ЖИХАРЕВ — Москва партизана.
Л. РАБИЧЕВ — Солдатская мечта.
И. АРАЛИЧЕВ — Промысел в пустыне.
В. ВИКТОРОВ — Звуковые разведчики.
П. ИЛЬЮНИТОВ — Русские скороходы.
Фронт смеется.
Кукрыникси рассказывают о своей работе.
О. ЛЕОНЧИДОВ — «Визитинг».
На обложке «АВТОМАТИКА» — картина лауреата Сталинской премии художника П. СОКОЛОВА-СКАЛИЯ.
На вкладке: «СТАЛИНГРАД» — картина лауреата Сталинской премии художника В. ЕФИМОВА.

А. ПРОКОФЬЕВ — Шаг вперед. Это шаг!

Л. КАСИДИНЬ — Страницы и годы.

АРГО — Давать лет спустя.

Читатели о журнале.

В. ГЛОТОВ — На привале.

С. КОРОЧКИН — Дуб.

МИХ. МАТУСОВСКИЙ — Песня о гармонисте.

Е. ГАБРИЛОВИЧ — Поездик.

Генерал-лейтенант А. ИГНАТЬЕВ — Молодому русскому солдату.

Е. ШВЕЛБА — У стн Смолска.

Н. ЛЯБКОВСКИЙ — Потомки Нахимова.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правда», 24.

Тел. Д 3-34-24.

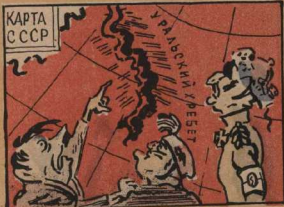
Непринятые рукописи не возвращаются.

Формат 21×110 см. 2½ лх. л. Зк. и печ. л. 98.000. Зак. 500. Тираж 30.000 экз. Изд. № 214. А 5124. Подписано к печати 26/11—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правда», 24.

Боевой Карандаш

ДВА ХРЕБТА

Снова подполковник Гетлер уверяет: «Мы быстро заберемся на Урал. Ведь мыгом до Уральского хребта Ступина Степанов будет вылетать.»

Однако убедился он потом: Дальше Урал с его вратым хребтом. Найдут оставил правду мечту. Но собственному получить хребту.

Пакеты худ. Н. Муратов.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЛЕНИНГРАДА!

Шли от кавчера к нам гости — да от них остались кости...

Шел Юдин генерал — да чуть жив от нас удрал...

Машинерцы к нам стулз нос — да едва его утос...

И с раштоком будет то же в землю лечь ему покаял.

...В суровые дни баскалы Ленинграда на обледеленых домах города неизменно появлялись красочные листы «Боевого карандаша». Они звали в бой, вдохновляли ленинградцев на новые и новые подвиги.

История «Боевого карандаша» ждёт начала ещё со времён физской кампании. Выпунные тогда ленинградскими художниками, объединившимися в творческий коллектив, первые пакеты привлекли к себе всеобщее внимание. Вновь воссозданы «Боевой карандаш» уже на второй день Отечественной войны — 23 июня 1941 года. Пакеты, сатирические зарисовки, карикатуры сразу вышли на передовую линию борьбы с врагом. Вскоре тираж «Боевого карандаша», издававшегося литографским способом, достиг 15 тысяч экземпляров.

В авторском коллективе работали художники И. Астапов, Г. Верейский, В. Кобелев, Н. Кочергин, В. Курдов, И. Муратов, Г. Петров, В. Серов, В. Тамби, Н. Тырса, И. Холодов. В декабре 1941 года все они перешли на казенные помещения. Выросли в холодных мастерских при свете керосиновой мигалки, по очереди дежурили на чердаках, тушили зажигательные бомбы... Пакеты сопровождались острыми, злободневными текстами. Полноправными членами «Боевого карандаша» являются ленинградские поэты и писатели Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Виссарион Савинов, Сергей Спасовский, Борис Тимофеев.

Круг тем «Боевого карандаша» весьма разнообразен. Героические эпизоды фронтовой жизни, подвиги рабочих оборонных заводов, жизнь и быт защитников Ленинграда, партизанское движение, международная политическая сатира — таково содержание номеров. В последних выпусках «Боевого карандаша» нашло отражение торжество ленинградцев, победивших баскал, голод и смерть.

Работа, проделанная коллективом «Боевого карандаша», заслуживает огромного уважения. Зенитчики и женщины Ленинграда ничто своих художников и по-настоящему любят их. В истории героической борьбы за город Ленина «Боевой карандаш» займёт своё место.

СМЕНА

ЦЕНА 1 руб.

Молодой сталевар Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина Степан Мартынов, двоящий фронту сталь отличного качества.

Фото И. Шагина